

**Росинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»**

Никколо Макиавелли - темный гений власти
*Литературное расследование в библиотеке «Фолиант»
жизни и деятельности средневекового государственного деятеля*
3.05.1469-21.06.1527

Добропорядочный флорентиец **Никколо Макиавелли**, государственный секретарь Флорентийской республики, верой и правдой служил государству до тех пор, пока в его жизнь не вмешалась «реальная политика». Оказавшись в опале, он написал трактат *«Государь»* - о власти, ее жестокости, безнравственности, бесчеловечности.

В 1559 году церковь включила этот томик, поставивший политику над верой, в список запрещенных изданий.

Тем не менее, «Государь» - тоненькая книжка **Никколо Макиавелли**, едва дотянувшая до ста страниц, - прославила имя автора больше, чем вся его политическая карьера. И навлекла на него ненависть, испытать которую, ему, правда, уже не пришлось.

Макиавелли был чиновником до мозга костей. Почему же он покинул свой государственный пост? Что произошло в его стране пятьсот лет назад? И почему он предостерегал людей, ищущих добра, о том, что они рискуют погибнуть *«под тяжестью великого множества тех, кто добра не ведает»*.

К чему призывал бунтарь и реформатор **Джироламо Савонарола**, аскетичный доминиканский монах? И какие выводы сделал Макиавелли после сожжения на костре этого пламенного проповедника? Чем вообще отличается республика от монархии?

Что за авантюрный план придумал Макиавелли совместно с крупнейшим деятелем эпохи живописцем **Леонардо да Винчи**? Чему научился у **Катерины Сфорца**, правительницы городов Имола и Форли? Зачем добивался расположения высокомерного французского короля Людовика XII? Что нового узнал из общения с императором Священной Римской империи **Максимилианом I**?

Какие отношения связывали дипломата Макиавелли с **Чезаре Борджиа**, прославленным тираном и военачальником, перед которым трепетали все, в том числе и Флоренция?

Пятнадцать лет **Никколо Макиавелли** провел исключительно в государственных делах. В 1509 году поставил на колени мятежную Пизу. В качестве секретаря специально созданного во Флоренции «Совета Девяти» взвалил на себя труд по созданию флорентийской милиции. Заменял неблагонадежное наемное войско хорошо организованной гражданской армией, почти в одиночку обеспечив мобилизацию, обмундирование и довольствие пяти тысяч человек.

Как же так получилось, что в 1513 году Макиавелли был заключен в тюрьму? За что его пытали?

Стремился ли Макиавелли диктовать миру свои законы?

Вот на все эти вопросы мы и постараемся с вами ответить вместе с читателями библиотеки «Фолиант» и активистами ее литературного клуба «Прикосновение» в ходе небольшого литературно-исторического расследования *«Великий Макиавелли: «Цель оправдывает средства?»*

Вдали от тайн и событий

Не у дел он остался в одночасье. В августе 1512 года испанские войска по приказу Папы свергли правительство Флорентийской республики. Власть в городе вернулась к семье банкиров **Медичи**, потерявших ее восемнадцатью годами ранее.

Макиавелли, преданный служитель республики, покинул пост государственного секретаря, приносивший ему двести флоринов годового дохода. Ему было запрещено в течение года переступать порог синьории – органа самоуправления Флоренции.

«Я сижу в деревне, - писал он. - Даю волю судьбе - пусть сильнее втоптывает меня в грязь, посмотрим, не станет ли ей наконец стыдно».

Фамильная деревня Сант-Андреа, куда он перебрался с семьей, находилась в нескольких часах ходьбы от Флоренции, *«вдали от тайн и событий»*. Узнать новости можно было лишь у путников, заглянувших в деревенский трактир. Туда Макиавелли приходил играть в карты с местным мясником, мельником и двумя кирпичниками, с которыми препирался из-за каждого гроша, потому что денег у него было в обрез.

Утром он шел в лес. Чтобы прокормить жену **Мариэтту** и детей, ловил дроздов, обмазывая ветки клеем. С **Мариэттой ди Луиджи Корсики** они были вместе с 1501 года. Брак их, заключенный, как тогда было принято, по расчету, перерос в нежную любовь, подарившую им пятерых детей.

Злые языки утверждали, что в поездках Макиавелли обзавелся еще несколькими отпрысками, но сам он об этом ни в одном письме не обмолвился, хотя о любовных похождениях в переписке с друзьями откровенничал часто.

Время от времени Макиавелли посылал корзину пойманных им птиц какому-нибудь представителю старой - новой правящей династии с письмом - *«напомнить Вашему превосходительству о бедном Макиавелли»*. Но на его письма отвечали только старые друзья, тоже попавшие в опалу.

Вечерами, укрывшись в кабинете, Макиавелли искал утешения в воспоминаниях. *«Вхожу в свой кабинет, у дверей сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож...»* Так, *«должным образом подготовившись»*, он воображал себя в величественных колоннадах гостем высших начальников, выслушивающих его советы о «реальной политике», жертвой которой пал.

В политике можно все, или 18 основных заповедей Никколо Макиавелли

Свои советы Макиавелли собирал в книгу - о вероломстве, насилии и лицемерии власти, обо всем том, без чего власти быть не может. Что же за крамольные мысли были изложены в этой книге? Читаем первоисточник.

1. «Людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое - не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести».
2. «В действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению».
3. «Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности».

4. «Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого».
 5. «...люди не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им».
 6. «Поистине страсть к завоеваниям - дело естественное и обычное».
 7. «Дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные - исполнять сами».
 8. «Та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда».
 - 9. «Каждый видит, каким ты кажешься, но мало кто чувствует, каков ты есть».**
 10. «Обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше».
 11. «А надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми».
 12. «...люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества».
- «Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости».
13. «Народ, привыкший жить под властью государя и благодаря случаю ставший свободным, с трудом сохраняет свободу».
 14. «Смотри своей судьбе в лицо, сторонись зла, но коли не можешь его избежать, сноси ожидающую тебя расплату как мужчина, не падай духом, не расслабляйся, как женщина».
 15. «Войны начинаются, когда вы их начинаете, но они не останавливаются, когда вы этого захотите» (вариант: «Войны начинаются по вашей воле, но не прекращаются по вашему желанию»).
 16. «Может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх».
 17. «Война - хорошее дело, если броня её отсвечивает надеждой».
 18. «Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость».

В политике можно все, к такому выводу пришел Макиавелли. Нет границы между добром и злом - есть уместные и неуместные средства. Недопустим лишь недостаток решимости - неспособность человека ни к подлинной жестокости, ни к высшей доброте. Право на злодеяния определяется тем, находят ли они достойное применение. И

выбором правильного момента: насильственные деяния следует совершать все разом, чтобы каждое в отдельности слабее ощущалось и меньше ожесточало. А благодеяния, напротив, расточать по крупицам - так сильнее их эффект...

Сочинение, названное «Государь», было издано в 1532 году. Макиавелли посвятил его новому правителю Флоренции, молодому **Лоренцо де Медичи**. Хотя он, на взгляд автора, был способен лишь на то, чтобы дать воплотить идеи «Государя» ему, Никколо Макиавелли. Сравнение с прославленным дедом-тезкой, умершим в 1492 году Лоренцо Великолепным, внук явно проигрывал.

Великая власть денег

В 1469 году, когда Макиавелли появился на свет, банкир **Лоренцо де Медичи**, прозванный **Великолепным**, стал неофициальным правителем Флоренции. В духе своего деда **Козимо** он превратил республику в негласную монархию. Расставил своих родственников на ключевые посты. Науки и искусства, празднества и турниры поставил на службу пропаганде. И не скрывал, что правит не Божьей милостью, а осязаемой силой денег.

Отец Никколо Макиавелли, мелкий нотариус, тоже жил в этом прагматичном мире. В дневник он заносил расходы по покупке вина, грибов и башмаков. И убытки, к числу которых относил и поломанные рога у быка в поместье в Сант-Андреа, и обучение сына Никколо у учителя грамматики **Маттео** на мосту Святой Троицы, *«за которое я ему плачу пять сольдо ежемесячно»*.

Никколо уже в десять лет - даже по флорентийским меркам рано - умел обращаться со сметной доской и писал по просьбе отца письма, в которых речь была все больше о деньгах. Потому что на деньгах было сосредоточено все существование республики - и Генуи, и Венеции, и Флоренции.

Те, кто был облечен властью, использовали ее, чтобы налогами разорять конкурентов. Взяточничество перестало быть преступлением. Кандидаты на государственные посты щеголяли своей продажностью как полезным профессиональным качеством, не стесняясь рассказывать о своих крупных долгах.

Война - тоже поле для бизнеса. Кондотьеры, предводители наемных дружин, уподобились предпринимателям - ведут дела по своему усмотрению, поставляют отряды на службу то одному, то другому правителю.

Самого Господа теперь зачисляли в деловые партнеры: благосостояние признано свидетельством божьей милости. *«За мелочь, отданную Богу, я неизменно получал крупную монету»*, - хвалился еще Козимо де Медичи.

Видимость стала важнее сути. Внешний блеск - идеал эпохи, в которой рос Макиавелли. Королевская пышность затмила собой финансовое неблагополучие банкирского дома Медичи, давшее о себе знать в конце 1460-х годов. Не прервись господство Медичи во Флоренции вторжением французов, их ждал бы, полагают историки, куда более бесславный - финансовый - крах.

Вскоре после смерти в 1492 году Лоренцо де Медичи его сын, **Пьеро**, получивший прозвище **Глупый**, сдал город французам. Он согласился на унижительные условия мира, за что и был изгнан раздосадованными согражданами.

Среди бунтарей был призывавший к нравственно-религиозному возрождению Флоренции **Джироламо Савонарола**, аскетичный доминиканский монах, реформатор и пламенный проповедник. Он призывал к покаянию и к восстановлению прочной власти, организовывал шествия фанатично настроенной молодежи и торжественные «сожжения суеты» - костры из предметов роскоши и искусства. Но даже Савонарола не был вполне свободен от настроений времени и щедро раздавал пастве обещания материального благополучия.

Однако 23 мая 1498 года отлученный от церкви проповедник был сожжен на костре на Пьяцца делла Синьория.

Жизнью управляет расчет, или От мелкого писаря до секретаря республики

Ровно через месяц после этого Никколо Макиавелли, мелкий писарь из государственной канцелярии, получил назначение на должность секретаря республики, главы внешнеполитического и военного ведомств. Конец фундаменталиста Савонаролы открыл путь прагматику Макиавелли.

Судьба Савонаролы убедила Макиавелли в том, что *«безоружный пророк»* в *«вооруженном мире»* обречен на поражение, потому что *«не обладает средством обратить неверующих в веру, а верующих - удержать в ней»*. Ведь жизнью управляет расчет.

Даже убийство родственника купцы заносили в грессбук в графу о задолженностях, а последующую кровную месть - в графу «оплачено». Волшебное слово этого материалистического времени - *ragione* означает и «право» и «разум», но также - «процент».

Подобно счетоводам, живописцы Возрождения сообщают геометрическую строгость художественному пространству посредством техники «прямой перспективы». На их полотнах мифы и мадонны все чаще сопровождаются приметам материальной жизни.

Натиск лучше, чем осторожность

Чего нельзя увидеть, того нет - возражал идеалистам, мечтателям и книжным червям один из крупнейших деятелей эпохи **Леонардо да Винчи**: *«Око, ты возвышаешься над всем, что создал Господь»*.

С тем, что лишь опыт имеет значение, соглашался и Макиавелли, который подружился с да Винчи во время войны Флоренции против Пизы, отделившейся в 1494 году. В 1503 году живописец и чиновник вместе придумали авантюрный план: направить русло реки Арно южнее Пизы, тем самым отрезав бунтовщиков от воды.

Однако своевольная река не желала отклоняться от привычного русла, и в октябре 1504-го синьория постановила прекратить неудавшийся эксперимент. Потом не один год Макиавелли пришлось устранять последствия половодья. Что ж, так распорядилась судьба - ветренная фортуна, чьи капризы Ренессанс объяснял не волей небес, а колебаниями конъюнктуры. Конъюнктуру же можно приручить, вскрыв ее законы.

«Натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна - женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать - таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело, - писал Макиавелли. - Поэтому она, как женщина, - подруга молодых, ибо они не так осмотрительны, более отважны и с большей дерзостью ее укрощают».

К тому времени, когда Макиавелли сформулировал в «Государе» эту мысль, его молодость миновала. Но уловки повелителя, способного приказывать фортуне, он тщательно изучил - во время дипломатических миссий, с которыми за четырнадцать лет исколесил пол-Европы. Он преодолел в походах более десятка тысяч километров, мучаясь от усталости, скуки и желчекаменной болезни. Его задача всегда сводилась к одному и тому же: лавировать, выигрывать время, уберечь слабую Флоренцию от уколов и побоев сильных держав.

Сила риторики Катерины Сфорца

У прославленной графини **Катерины Сфорца**, трижды вдовы, правительницы городов Имола и Форли, возбуждавшей обожание и дурные толки, Макиавелли познал силу риторики. Отрядив сына **Оттавио** во Флоренцию кондотьеро, она потребовала за его сомнительные услуги астрономический годовой доход - 15 тысяч дукатов. Макиавелли предстояло умерить гонорар, не допустив, однако, чтобы союзники перекинулись на сторону миланцев, с которыми также вели переговоры.

В 1499 году вдова встретила Макиавелли в атласном платье со шлейфом в два аршина длиной и в черной бархатной шляпе. Нож и мешок дукатов за поясом довершали экипировку. Сфорца кокетничала, убалтывала, играла с юным посланцем в кошки-мышки. После нескольких бесплодных бесед Макиавелли написал, что *«не в состоянии более противиться ее речам и ужимкам»*. Во Флоренцию он вернулся ни с чем, но умудренный новым опытом.

Французский король Людовик XII преподал Макиавелли урок высокомерия. В обмен на 24 тысячи дукатов месячного содержания он предоставил флорентийцам 4 тысячи швейцарских и 2 тысячи гасконских солдат для войны с Пизой. Но вояки сочли плату низкой и, еще не дойдя до города, затеяли бунт. Захватив флорентийского парламентаря, они обменяли его на крупный выкуп. После чего разбежались на все четыре стороны.

Целых пять месяцев Макиавелли добивался расположения Людовика и компенсаций за потери. Ему приходилось следовать за Его Величеством через всю Францию, дни и ночи проводить в седле или трястись в экипажах по скверным дорогам. Средства, выделявшиеся ему мелочными флорентийскими господами, не покрывали даже дорожных расходов.

«Вы знаете, что я за свои поездки получил лишь 80 дукатов, из которых 30 ушло на один только экипаж, - обиженно писал он начальству. - Мизерность моего оклада, неизбежные расходы и невозможность найти новые средства - все это - ставит меня в крайне затруднительное положение...».

Правительство Флоренции оценило его лишения аж в десять дукатов. А от французского короля он не добился ничего, кроме заявления, что в сообществе больших держав Флоренция давно не играет никакой роли. *«Он считает вас абсолютным нулем»* -, писал Макиавелли правителям Флоренции.

Как поступать не следует

От императора Священной Римской империи **Максимилиана I** Макиавелли узнал, как поступать не следует. Государь требовал от Флоренции средств для войны с Францией - полмиллиона дукатов. Макиавелли отправился в Инсбрук и сторговался с придворными казначеями до 50 тысяч. В донесениях во Флоренцию он нарисовал портрет предводителя, который экономным начальникам Макиавелли показался, должно быть, старомодным.

«Я полагаю, мир не знал такого расточительного монарха, как Максимилиан, - написал он. - При этом он вечно в стесненных обстоятельствах и в чем-то испытывает недостаток. Он весьма непоследователен: сегодня забывает то, к чему стремился вчера. Не желает слушать ничьих советов, и вместе с тем прислушивается ко всем и каждому».

Позже в «Государе» Макиавелли вывел правило: *«В наши дни лишь те совершили великие дела, кто прослыл скупым, остальные сошли неслышимо»*.

«Великий и прекрасный» Чезаре Борджиа

24 июня 1502 года Макиавелли впервые оказался лицом к лицу с **Чезаре Борджиа** - военачальником, сыном **Папы Александра VI**. За триумфальным шествием к власти

прославленного тирана Макиавелли следил заворуженно, словно за разбушевавшейся стихией. С помощью французских солдат и отцовского авторитета он одного за другим лишал власти многочисленных правителей Папской области. Перед ним трепетала и Флоренция: бандиты Чезаре регулярно прибирали к рукам дорогостоящие флорентийские ткани.

Флорентийские начальники просили Макиавелли помочь вернуть товар и уговорить Чезаре пощадить их текстильную индустрию - *«потому что это вещь огромной важности, можно сказать, сердце города»*.

С таким поручением Макиавелли прибыл в герцогский дворец в Урбино. Ему предстоял нелегкий труд: бесконечная круговерть уговоров, лести и угроз, изматывающая роль в театре риторики, мимики и жеста. Тем не менее Макиавелли отписал начальству: *«Этот правитель поистине велик и прекрасен»*. И повторял это в своих 52-х отчетах, написанных из Урбино.

Его пленила даже жестокость, с которой деспот устранял врагов. *«Мессер Ремirro сегодня утром найден на рынке разрубленным надвое, - лаконично сообщает он об убийстве военного наместника Чезаре в Романье. - Государю показалось, будто тот утверждал, что он возвышает и уничтожает людей не по заслугам, а по личной прихоти»*.

«Чезаре Борджиа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению, - вспоминал он о Борджиа в «Государе». - И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю».

Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица».

Но от одного упрека он все-таки не удержался: Чезаре должен был позаботиться о том, чтобы новым Папой избрали союзника, лучше всего испанца. Однако в 1503-м Макиавелли, прибывший в Рим узнать об исходе конклава, увидел невменяемого Борджиа, доведенного до предела нервного изнеможения. Он понял: от этого человека ждать больше нечего. И хладнокровно написал правительству Флоренции: *«Когда придет посол герцога, Ваша Милость может с ним не церемониться»*.

Лишь спустя несколько лет флорентийцы поймут, что новый понтифик, стремившийся распространить светскую власть Римской курии на всю Среднюю Италию, был куда опаснее для их независимости, чем некогда свирепый Борджиа.

Триумф Медичи

В 1506 году Макиавелли был в первый раз отправлен послом к новому Папе Римскому, **Юлию II**. Дело было в том, что Папа желал завербовать одного флорентийского кондотьера для участия в войне с Францией.

Макиавелли устроил настоящую охоту на Папу. Прерывал его обеденную трапезу в военном лагере в Чивита Кастеллана. Сопровождал папскую свиту в Перуджу, Урбино и Чезену. Умасливая понтифика, доставлял ему из Тосканы вино, угрей и белые трюфеля.

Тем не менее война между папским лагерем и Францией - защитником Флоренции, гибельная для республики, становилась все реальнее.

Начиная с 1510 года, Макиавелли метался с дипломатическими миссиями то во Францию, то в Рим. Но все напрасно; предотвратить войну ему не удалось. В июне 1512 года французские войска были изгнаны из Италии. А уже спустя два месяца папская военная коалиция захватила оставшуюся в изоляции Флоренцию. Правителями города

были назначены младшие сыновья Лоренцо де Медичи, **Джулиано и Джованни**.

Последний - кардинал, меломан, любитель искусств - лично руководил артиллерийским отрядом, обстрелявшим флорентийский пост в городе Прато. Неопытные солдаты-крестьяне не успели залатать стены и были сметены наемниками папской Священной лиги, которую составляли преимущественно испанцы. С того дня выражение *«испанская ярость»* стало поговоркой.

Захватчики убивали мужчин и насиловали женщин. Матери в отчаянии сбрасывали дочерей в колодцы и прыгали следом. *«Они не пощадили даже удалившихся от света дев, - писал Макиавелли о судьбе монахинь Прато. - Священные обители содрогались от насилия и святотатстве».*

Во Флоренции между тем Медичи отпраздновали собственное возвращение как пришествие золотого века. Они сравнивали себя с возродившимся из пепла фениксом. Празднования и торжественные шествия следовали одно за другим. Над декорациями к этому спектаклю работали посменно тысячи рабочих и ремесленников. Церкви переоборудовали под мастерские, где художники изготавливали аллегорические композиции. Город сверкал роскошью наряженных триумфальных арок и величественных статуй, прославляющих Медичи.

К этому ликованию присоединился и поверженный Макиавелли: триумф Медичи, оставивших его безработным, он расцвел в своей книге библейскими аллегориями. *«Нам явлены необычайные, беспримерные знамения Божию: море расступилось, скала источала воду, манна небесная выпала на землю: все совпало, пророча величие вашему дому. Остальное надлежит сделать вам. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы»,* - взывал полный надежды Макиавелли к новому государю.

В его преданности и честности не могло быть сомнений, ведь о них, в конце концов, свидетельствовала его бедность. И доброе имя - пятнадцать лет, проведенные им в государственных делах, не прошли даром.

Разве не он в 1509 году поставил на колени мятежную Пизу? Разве не он в качестве секретаря специально созданного во Флоренции «Совета Девяти» взвалил на себя труд по созданию флорентийской милиции? И заменил неблагонадежное наемное войско хорошо организованной гражданской армией, почти в одиночку обеспечив мобилизацию, обмундирование и довольствие пяти тысяч человек.

В тюрьме

Макиавелли не терял надежды добиться расположения Медичи своими непрошеными советами. Но в феврале 1513 года некий юный заговорщик уронил на улице листок с именами двадцати граждан, которые в случае убийства Джулиано де Медичи должны были занять ключевые посты в городском управлении. Среди этих двадцати значился и Макиавелли, который, узнав, что выписан ордер на его арест, добровольно явился в тюрьму Баргелло, чтобы рассказать о своей невинности.

Там его ждали дыба и тиски для пальцев. Привязав ему к рукам и ногам камни, палач рывком поднимал его на канате к потолку, а затем отпускал канат. Макиавелли выдержал шесть допросов. Целый месяц изнемогал в темнице. Среди вшей, *«таких огромных и толстых, что кажутся бабочками»*, и вони, *«хуже, чем в лесах Сардинии»*.

Потом Джованни де Медичи избрали Папой Львом X, и всеобщая амнистия по этому случаю вернула Макиавелли его бесполезную свободу.

Лишь бы поручили хоть камень в гору катить

Отчаявшись, он мечтал только об одном: *«Лишь бы Медичи вспомнили о моем существовании и поручили хоть камень в гору катить»*. Будь у него какое-нибудь дело,

не колеблясь, оставил бы семью: *«Я им и так в тягость, из-за своей привычки тратить деньги».*

Время от времени перепадала случайная работа. Однажды по поручению флорентийских коммерсантов он поехал выбивать долги в Геную, В другой раз ему поручили вести торги о возмещении ущерба для земляков, ставших в Венеции жертвами избиения.

Он устраивал свадьбы, сочинял сонеты и карнавальные песни. Писал комедии и политические трактаты. Но политология вместо политики - сомнительное утешение. *«Я чувствую, что силы кончаются, - писал он другу. - Недолго мне еще бегать от нищеты».*

Но надежду, что его мысли будут кому-то нужны, он по-прежнему не терял.

«Я надеюсь, а надежда умножает муку», - жаловался Макиавелли.

Поэтому свою надежду он покрывал лаком отточенных сентенций: *«Судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям. Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища, вымывает и намывает землю: все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать».*

Но хотя бы и так, разве это мешает людям принять меры предосторожности в спокойное время, то есть возвести заграждения и плотины так, чтобы, выйдя из берегов, река либо устремилась в каналы, либо остановила свой безудержный и опасный бег?

То же и судьба: она являет свое всеисилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений».

Но элита, похоже, утратила веру в лучшее будущее. Люди торговли, чей коммерческий пыл когда-то служил мотором для развития Флоренции, все чаще возвращаются в феодальную идиллию. Буржуа питают слабость к аристократизму. Уединяясь в загородных резиденциях вроде виллы Медичи в Поджо-а-Кайано, они ведут созерцательную жизнь.

Воодушевление гуманистов, дискутировавших некогда в стенах флорентийского монастыря Санто-Спирито об идеальном государстве, уступило место учению священника и главы Платоновской академии **Марсилио Фичино**, призвавшего бежать от темных сторон политики: *«Порядочные люди не вмешиваются в общественную жизнь, пока есть кому хорошо управлять государством».*

Прошло еще семь лет, прежде чем Медичи, наконец, одарили его своей милостью: в 1520 году Макиавелли было поручено написать историю Флоренции. Он не упустил этого случая, чтобы расшаркаться перед Медичи, воспевав деяния Лоренцо Великолепного. И не напрасно: год спустя Макиавелли был официально реабилитирован.

В 1526-м город поручил ему руководство работами по укреплению городских стен. По слухам, за него похлопотала бывшая любовница, знаменитая певица.

Смерть «от преданности»

Через год очередное восстание во Флоренции вновь изгнало Медичи из города и учредило новую республику. Когда Макиавелли попросил у нового правительства назначить его на старую должность, «за» проголосовали лишь двенадцать человек из шестисот. Чиновник до мозга костей, которого Медичи некогда отвергли за преданность республике, теперь среди республиканцев слыл марионеткой Медичи.

Спустя несколько дней Макиавелли свалила лихорадка. Лечился, как всегда, по науке: приготовил испытанное средство из алоэ, кардамона, шафрана, мирры, бетоники и крас-ноголовника. Но 21 июня 1527 года, в возрасте всего лишь 58 лет, Макиавелли умер.

Флорентийцы язвили - от преданности.

«Преданность, - писал Макиавелли в своем «Государе», - это добродетель, полезная только в мире хороших людей. О людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся.

Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно».

Вместе с тем французский мыслитель **Жан-Жак Руссо** окрестил знаменитый трактат «книгой республиканцев», потому что всем, кто ищет добра, следует помнить предостережение Макиавелли о том, что они рискуют погибнуть *«под тяжестью великого множества тех, кто добра не ведает».*

И хотя многие диктаторы и политики XX века следовали его советам, и даже в третьем тысячелетии современные циники охотно руководствуются пособиями вроде «Макиавелли для женщин» или «Макиавелли для менеджеров», не следует забывать, что сам Макиавелли не стремился диктовать миру свои законы. Он всего лишь изображал этот мир таким, каким его увидел. Не одобряя, но констатируя: другого не будет.

Литература:

Его произведения:

1. **Макиавелли Н.** Сочинения и письма/ Никколо Макьявелли.- М.: АСТ, 2004. - 820 с.
2. **Макиавелли Н.** Государь. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия/ Никколо Макиавелли/Пер. Г.Муравьевой и Р. Хлодовского. - М.: Художественная литература, 1982.

О нем:

1. **Викторов С.** Слуга «Государя»/ Сергей Викторов.- Гала Биография.- 2010.- №10.- Стр. 70- 81
2. **Каппони Н.** Макиавелли / Пер. с англ. М.: Вече, 2012. - 352 с., ил. – (Серия «Великие исторические персоны») 3 000 экз.,
3. Макиавелли в России: Восприятие на рубеже веков /Сост. Э. Г. Азгальдов, И. А. Быстрова; Под ред. В. Т. Данченко, В. А. Скороденко, Ю. Г. Фридштейна; Науч. консультант П. Д. Баренбойм. - М.: Рудомино, 1996. - 144 с.
4. Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века: Статьи. Суждения. Библиография /Под общей ред. П. Баренбойма; Автор идеи и руководитель проекта П. Баренбойм; Отв. ред. Е. Ю. Гениева. - М.: Рудомино, 2001. - 361 с.
5. **Попова И. Ф.** «Правила императоров» танского Тай-цзуна и «Государь» Н. Макиавелли //Восток-Запад. Историко-литературный альманах 2003-2004/ Ред. акад. В. С. Мясников. - М., 2005. – стр.191-203.
6. **Тененбаум Б.** Великий Макиавелли: Темный гений власти: «Цель оправдывает средства?»- М.: Яуза, Эксмо, 2012. - 480 с. – (Сер. «Гении власти». - 3000 экз.,
7. **Фейхтвангер Л.** Гойя, или Тяжкий путь познания/Лион Фейхтвангер. - М., Правда, 1982.